

Къ вопросу объ антiохiйскомъ соборѣ 324 года и о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“.

(Продолженіе).

Что касается de descr. Nic. syn. n. 3, то Ананасіѣ в. здѣсь ни единымъ словомъ не выдаетъ, что Евсевіѣ кесарійскій, по его мнѣнію, подписавъ никейскій символъ, остался при своихъ прежнихъ (аріанскихъ) убѣжденіяхъ. Вотъ что пишетъ здѣсь Ананасіѣ:

καὶ τὸ γε παράδοξον, Εὐσέβιος ὁ ἀπὸ Καισαρείας τῆς Παλαιστίνης, καὶ τοι πρὸ μᾶς ἀρτοῦμενος, ὁμοῦς ὕστερον ὑλοχρήσας, ἐπέστειλε τῇ ἐκκλησίᾳ ἑαυτοῦ, λέγων ταύτην εἶναι τῆς ἐκκλησίας τὴν πίστιν [Ананасіѣ в., слѣдовательно, ошибочно относитъ сказанное у Евсевія о его кесарійскомъ символѣ—къ никейскому символу] καὶ τῶν πατέρων τὴν παράδοξιν. πᾶσι τε γαρερῶς ἔδειξεν, ὅτι πρότερον ἐσφάλλοντο καὶ μάτην ἐπιλονίκοιεν πρὸς τὴν ἀλήθειαν εἰ γὰρ καὶ ἠσχύνθη τότε ταῦταις ταῖς λέξεσι γράψαι, καὶ ὡς ἠθέλησεν αὐτὸς ἀπελογίσατο τῇ ἐκκλησίᾳ, ἀλλὰ γε διὰ τῆς ἐπιστολῆς τὸ ὁμοούσιον καὶ τὸ ἐκ τῆς οὐσίας μὴ ἀρνησάμενος, γαρερῶς τοῦτο σημάναι βούλετο· καὶ πέπονθέ τι δεινόν· ὡς γὰρ ἀπολογούμενος, κατηγόρησε λοιπῶν τῶν Ἀρειανῶν, ὅτι γράψαντες· οὐκ ἦν ὁ υἱὸς πρὶν γεννηθῆναι, οὐκ ἠθέλον αὐτὸν εἶναι οὐδὲ πρὸ τῆς κατὰ σάρκα γενέσεως. καὶ τοῦτο οἶδε καὶ Ἀζάκιος, ἔν μὴ καὶ αὐτὸς φοβηθεὶς νῦν διὰ τὸν καιρὸν ὑποκρίνηται καὶ ἀρνήσῃται τὴν ἀλήθειαν¹⁾.

Евсевіѣ, думаетъ Ананасіѣ в., называя подписанную имъ никейскую вѣру, вѣрою церкви и преданіемъ отцовъ, ясно показаль этимъ, что раньше они ошибались и напрасно боролись противъ истины. Хотя онъ и постыдился сказать это

¹⁾ Дальше см. I, 79 [=Труды Кіев. Д. Ак. 1914. т. III (ноябрь), стр. 355]. прим. 1.

прямо и, какъ хотѣлъ, защищался предъ своею церковію; но такъ какъ онъ не отвергаетъ въ своемъ письмѣ терминовъ *ὁμοούσιον* и *ἐκ τῆς οὐσίας*, то очевидно онъ хотѣлъ показать именно это. И съ нимъ случилось нѣчто странное. Думая защитить другихъ арианъ, онъ на дѣлѣ обвинилъ ихъ, говоря, что они, написавъ: не былъ Сынъ до рожденія, хотѣли сказать этимъ, что Его не было до рожденія по плоти.

Въ концѣ своего сочиненія „Объ опредѣленіяхъ никейскаго собора“ Аѳанасій приводитъ и самое письмо Евсевія къ кесарійцамъ, „чтобы изъ него узнали христорборцы и въ особенности Акакій свою неблагодарность, измѣну своимъ же учителямъ“.

На дѣлѣ, разумѣется, посланіе Евсевія къ кесарійцамъ доказываетъ, что, и подписавъ никейскій символъ, онъ остался такимъ же аріаниномъ (т.-е. лѣвымъ оригенистомъ), какимъ былъ и до 325 года. Но Аѳанасій в., какъ доказываютъ его слова, понялъ это посланіе совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ Евсевій защищалъ предъ кесарійцами свою подпись подъ никейскимъ символомъ, оставаясь въ душѣ аріаниномъ. По Аѳанасію же онъ защищалъ свое раннѣйшее поведеніе, какъ покровителя арианъ, и не хотѣлъ только открыто признаться въ томъ, что онъ тогда заблуждался. А такъ какъ Евсевій кесарійскій до конца жизни не отрекался формально отъ никейскаго символа, то Аѳанасій в., несмотря на личныя враждебныя отношенія Евсевія къ нему и къ другимъ борцамъ за никейскую вѣру, могъ думать, что Евсевій и въ самомъ дѣлѣ въ 325 году отрекся отъ арианства и сдѣлался убѣжденнымъ никейцемъ-омоусіаниномъ. А въ такомъ случаѣ для него не было и никакого повода упоминать объ отлученіи, наложенномъ на Евсевія въ 324 году въ Антіохіи за защиту Арія. Это отлученіе утратило всякую силу послѣ того, какъ Евсевій подписалъ никейскій символъ и анаеematствовалъ ученіе Арія. Послѣ этой подписи отлученіе, наложенное на Евсевія, потеряло бы значеніе и безъ всякаго вмѣшательства императора.

Что предлагаемое мною объясненіе Athan. de decr. nic. syn. 3 правильно, еще яснѣе видно изъ параллельнаго мѣста Athan. de synodis n. 13. Вотъ что пишетъ здѣсь Аѳанасій в.:

Ποία γὰρ πίστις τοῖς παρ' αὐτῶν γινόμενοις, ἐν τὰ τῶν προτέρων καταλύεται; ἢ πῶς „πατέρας“ ὀνομάζουσιν, οὗς διδάξαντο. ὅτι

αἰτοὶ τῆς γνώμης κατήγοροι γίνονται; Μάλιστα δὲ Ἀκάκιος τί ἂν εἶποι πρὸς Εὐδόκιον τὸν ἑαυτοῦ διδάσκαλον, ὃς οὐ μόνον ὑπέγραψεν ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ, ἀλλὰ γὰρ καὶ δι' ἐπιστολῆς ἐδήλωσε τοῖς ὑπ' αὐτοῦ λαοῖς ταύτην εἶναι πίστην ἀληθῆ, τὴν ὁμοιογενθεῖσαν ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ; εἰ γὰρ καὶ ὡς ἠθέλησεν ἀπελογήσατο διὰ τῆς ἐπιστολῆς, ἀλλὰ γε τὰς λέξεις οὐκ ἠρνήσατο, ἀλλὰ καὶ κατηγόρησε τῶν Ἀρειανῶν ὅτι λέγοντες, „Οὐκ ἦν πρὶν γεννηθῆ ὁ Υἱός, οὐδὲ πρὸ Μαρίας αὐτὸν ἠθελον εἶναι“. [Конечно, здѣсь ὡς ἠθέλησεν ἀπελογήσατο можно понять и такъ, что Евсевій, какъ это было и на самомъ дѣлѣ, оправдывалъ свою подпись подъ символомъ; но помимо того, что такое толкованіе не приложимо къ de decretis nic. syn. 3, Аѳанасіѣ в. едва ли сталъ бы придавать такое значеніе подписи Евсевія подъ терминами *ὁμοούσιον* и *ἐκ τῆς οὐσίας* (ихъ нужно разумѣти подъ *λέξεις*), если бы онъ думалъ, что Евсевій понималъ ихъ въ совершенно превратномъ смыслѣ].

Неизлишне замѣтить еще, что объ Евсевіи кесарійскомъ Аѳанасіѣ в. говоритъ вообще очень рѣдко, и напр. въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ для него не было и повода упоминать объ отлученіи, наложенномъ на Евсевія антиохійскимъ соборомъ. Въ обоихъ случаяхъ для него важна подпись Евсевія подъ никейскимъ символомъ и его попытка доказать въ письмѣ къ кесарійцамъ православіе этого символа и его терминовъ, чтобы показать Акакію кесарійскому и другимъ аріанамъ, что, отвергая никейскій символъ и пытаясь замѣнить его другимъ, они расходятся между прочимъ и съ предшественникомъ и учителемъ Акакія Евсевіемъ. Слѣдовательно, упоминаніе здѣсь объ отлученіи Евсевія на антиохійскомъ соборѣ, гдѣ онъ показалъ себя стойкимъ защитникомъ Арія, было не только излишне, но и не удобно. Оно только ослабило бы впечатлѣніе отъ того факта, на который ссылается здѣсь Аѳанасіѣ в. — Въ de synodis, n. 17. Аѳанасіѣ в. приводитъ небольшой отрывокъ изъ письма Евсевія кесарійскаго къ Евфра[г]іону валантійскому: Ὁ δὲ ἀπὸ Καισαρείας τῆς Παλαστίνης Εὐδόκιος, γράφων πρὸς Εὐφρατίωνα τὸν ἐπίσκοπον, οὐκ ἐφοβήθη φανερῶς εἰπεῖν, ὅτι „ὁ Χριστὸς οὐκ ἔστιν ἀληθινὸς Θεός“. Но здѣсь Аѳанасіѣ в. приводитъ цѣлыи рядъ выдержекъ изъ писемъ аріанскихъ епископовъ, писанныхъ до никейскаго собора ¹⁾.

¹⁾ Πρὸ δὲ τοῦ γενέσθαι τῆς ἐν Νικαίᾳ σίνόδου ἔγραψαν καὶ οἱ περὶ Εὐδόκιον,

Слѣдовательно, это письмо Евсевія, какъ написанное до никейскаго собора, нисколько не могло разубѣдить Аѳанасія в. въ томъ, что Евсевій искренно подписалъ никейскій символъ.

Въ концѣ п. 17, приведя два отрывка изъ писемъ Георгія лаодикийскаго (къ Александру и къ аріанамъ), тогда еще пресвитера, Аѳанасій находитъ нужнымъ сообщить, что этотъ Георгій низложенъ былъ св. Александромъ между прочимъ и за свое нечестіе ¹⁾. Но отсюда не слѣдуетъ, что и объ Евсевіи кесарійскомъ Аѳанасій долженъ былъ сообщить, что онъ отлученъ былъ антїохійскимъ соборомъ 324 года. 1) Георгій былъ равнше *александрійскимъ* пресвитеромъ, и потому его прошлое и болѣе интересовало Аѳанасія и было несравненно лучше ему извѣстно, чѣмъ прошлое Евсевія кесарійскаго. 2) Георгій въ то время (въ 359 году) былъ еще живъ и былъ епископомъ; слѣдовательно напомнить объ его прошломъ было небезполезно; Евсевій же давно умеръ. 3) Евсевій въ 324 году былъ только отлученъ, Георгій же лишенъ сана, *καθηρέθη*. 4) Отлученіе наложенное на Евсевія въ 324 году потеряло силу въ 325 году въ Никее, гдѣ онъ былъ принятъ въ общеніе вселенскимъ соборомъ, въ составъ котораго вошли и почти всѣ бывшіе участники антїохійскаго собора 324 года.

Вообще же Аѳанасія в. въ данномъ случаѣ интересовало самое ученіе вождей аріанъ, а не событія ихъ жизни.

Въ *apologia contra arianos* п. 77 египетскіе епископы въ посланіи къ тирскому собору „*Οὐχέτι νομίζομεν*“ называютъ Евсевія кесарійскаго „врагомъ“ *ἐχθρός*. Но упоминать здѣсь сбъ отлученіи, наложенномъ на него антїохійскимъ соборомъ 324 года, о фактѣ давнемъ и потерявшемъ всякое значеніе съ 325 года, въ письмѣ къ собору епископовъ было, очевидно, не только излишне, но и не удобно. Да египетскіе епископы, какъ упомянуто выше, едва ли и знали объ этомъ отлученіи.

Наконецъ и въ *Apol. c. arian.* п. 8 — допуская, что это посланіе могло быть написано отъ имени египетскихъ еписко-

Νότιζομεν τε καὶ Πατρόθλιον, καὶ Μάριν, Παλλίνον τε, καὶ Θεόδοτον, καὶ Ἀθανάσιον τὸν ἐπὶ Ναζαρεθῶν τῆ ἡμοῦ αὐτοῖς (самимъ аріанамъ, письмо которыхъ къ Александру *Ἡπίστεις ἡμῶν* Аѳанасію приводитъ непосредственно предъ этимъ въ п. 16).

¹⁾ *Αὐτὸς δὲ ὁ Γεώργιος καθηρέθη ἐπὶ Ἀλεξάνδρον δι ἄλλα μὲν, ὅτι δὲ καὶ ἐπιβλή: ἡγήνη. πρεσβύτερος γὰρ ἦν. καθὰ προείρηται.*

повъ самимъ Аѳанасіемъ в.—что могло прибавить отлученіе Евсевія кесарійскаго въ 324 году на многочисленномъ, но все же помѣстномъ соборѣ къ приписываемому ему паденію, принесенію жертвы идоламъ во время гоненія?

Въ Apol. с. ar. n. 87 Евсевій названъ лишь по имени.

Больше Евсевій кесарійскій—насколько знаю—не упоминается у Аѳанасія в. ¹⁾.

Литературная дѣятельность Аѳанасія в. началась въ такое время, когда Евсевій кесарійскій уже умеръ. Поэтому Аѳанасій не имѣлъ и повода особенно часто говорить о немъ. Что же удивительнаго, если Аѳанасію не довелось ни разу упомянуть о непріятности, случившейся съ Евсевіемъ въ 324 году на соборѣ въ Антиохіи?

Но Гарнаккъ въ данномъ случаѣ далеко не въ полномъ видѣ передаетъ даже и аргументацію Шварцъа. Приписываемое имъ Аѳанасію опасеніе коснуться памяти Константина в. занимаетъ далеко не первое мѣсто въ аргументаціи Шварцъа. Прежде всего Шварцъъ ²⁾ совершенно вѣрно указываетъ на то, что „Аѳанасій никогда не былъ историкомъ и не хотѣлъ быть имъ; онъ былъ политикомъ и принимался за перо только тогда, когда того требовали политическія основанія. И о никейскомъ соборѣ онъ никогда не сообщаетъ; во всемъ сочиненіи, которое онъ составилъ о немъ (de decretis), ничего нѣтъ кромѣ догматической полемики“ и „начало арианскаго спора онъ никогда не излагалъ“ ³⁾.

А слѣдовательно и молчаніе Аѳанасія в. объ антиохійскомъ соборѣ 324 года и объ осужденіи на немъ Евсевія не доказываетъ даже того, что этотъ фактъ остался ему неизвѣстенъ.

Изъ трехъ отлученныхъ антиохійскимъ соборомъ 324 года епископовъ больше всѣхъ долженъ былъ интересоваться Аѳанасія в. Наркиссъ нероніадскій, дожившій до 358 года и характеризуемый Аѳанасіемъ какъ худшій, *πονηρότατος*, среди арианскихъ епископовъ. Но о немъ Аѳанасій сообщаетъ, что онъ былъ трижды низложенъ на различныхъ соборахъ ⁴⁾; и

¹⁾ Цитованныя мѣста подысканы мною по указателямъ въ изданіяхъ Bright'a и Thilo.

²⁾ Schwartz, SS. 361—362.

³⁾ Er ja auch die Anfänge des arianischen Streites niemals dargestellt hat.

⁴⁾ Athan. apol. de fuga; n. 26: Ὁ δὲ Νάρκισσος, ἄλλα τε πολλά καὶ ἄρας.

очень возможно, что тутъ имѣется въ виду и отлученіе, наложенное на Наркисса въ 324 году въ Антиохіи ¹⁾.

Далѣе Гарнакъ не позабываетъ упомянуть и о молчаніи историковъ. „Что и церковные историки молчатъ“—пишетъ онъ—„это менѣе важно, но не незначительно (von mindereм Gewicht jedoch nicht unerheblich); ибо Евсевій былъ знаменитый человѣкъ, и соборъ изъ болѣе 50-ти епископовъ изъ многихъ частей востока, собранный при замѣчательныхъ обстоятельствахъ и совершившій низложеніе“ [такъ, die Absetzung] „епископовъ, не былъ такой quantité negligeable, которая скоро предана была бы забвенію“.

О причинахъ этого молчанія историковъ существенное сказано у меня въ разборѣ 1-ой статьи Гарнакка (стр. 60—61). Швартцъ SS 362—365 говоритъ объ этомъ болѣе подробно, разлагаетъ изложеніе триады продолжателей Евсевія на ихъ источники и показываетъ, что всѣ они молчатъ объ томъ соборѣ потому, что о немъ ничего не говорятъ ихъ источники. А это объясняется тѣмъ, что они черпали изъ публицистической литературы, которую породили споры 4 вѣка. А посланіе антиохійскаго собора 324 года обязано своимъ сохраненіемъ совсѣмъ другому роду литературнаго преданія—каноническимъ сборникамъ, о которыхъ церковные историки ничего не знаютъ. — Гарнакъ по этому поводу замѣчаетъ: „Наконецъ, дѣйствительно ли антиохійское соборное посланіе принадлежитъ чистому каноническому преданію (Rechtsüberlieferung), будетъ изслѣдовано ниже“. Гарнакъ имѣетъ въ виду III-ю главу своей 2-й статьи. Удалось ли ему тамъ показать, что сборникъ, въ которомъ сохранилось разбираемое посланіе, не принадлежитъ къ чистому каноническому преданію, будетъ показано при разборѣ этой главы. Но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить лишь то, что молчаніе историковъ о спорномъ документѣ Швартцу удалось объяснить наилучшимъ образомъ (то вѣдь фактъ, что эти историки ничего не знаютъ о собраніи каноновъ), и слѣдовательно, выдвигать противъ него вновь это молчаніе, Гарнакъ не имѣлъ никакого научнаго права.

καὶ τρίτον ἐν διαφόροις συνόδοις καθήροεντο καὶ νῦν αὐτός ἐστιν ἐν αὐτοῖς ὁ ποιηφότος.

¹⁾ Ср. E. Seeberg, S. 93. и у меня I, 59—60.

По поводу *g* Гарнаккъ возражаетъ: По Швартцу императоръ, переноса въ соборъ въ Никею, хотѣлъ доказать, что Евсевій никоидійскій еще далеко не умеръ, noch lange kein toter Mann sei; но этому же Евсевію подготовилъ сильнѣйшее поражение, schlimmste Niederlage, чрезъ осужденіе Арія въ его собственной провинціи и новое исповѣданіе, neue Bekenntniss, вѣры. „Какъ согласить это! Wie reimt sich das zusammen!“ — говоритъ Гарнаккъ. „Швартцъ говоритъ, что онъ“ (императоръ) „не былъ достаточно силенъ; но онъ былъ достаточно силенъ привести къ побѣдѣ боевыя слова маленькой партіи“.

Здѣсь Гарнаккъ прежде всего допустилъ неточность въ передачѣ взгляда Швартца: Швартцъ и не думаетъ утверждать, что самъ императоръ былъ недостаточно силенъ. Aber der Kaiser—говоритъ онъ—war weit davon entfernt, darum nun auch den Arianer zu schützen: er hatte zu wenig Macht hinter sich, wie die antiochenische Synode gezeigt hat. Мало силы за собою, по Швартцу, имѣлъ не императоръ, а Аріи. Антиохійскій соборъ ни силы, ни слабости императора доказать не могъ, такъ какъ императоръ на немъ не присутствовалъ. Но онъ безспорно доказалъ относительную слабость арианской партіи.

О причинахъ перенесенія собора въ Никею была рѣчь выше (по поводу *b*), и если отрѣшиться отъ оригинальныхъ, но слабо мотивированныхъ и ничуть не оправдываемыхъ и новооткрытымъ антиохійскимъ посланіемъ взглядовъ Швартца на церковную политику Константина и—въ частности—на его отношеніе къ антиохійскому собору, то осужденіе Арія на никейскомъ соборѣ ничего удивительнаго не представляетъ. Напротивъ, новооткрытое посланіе дѣлаетъ болѣе понятнымъ, почему отъ защиты Арія на соборѣ отказались и такіе его друзья и покровители, какъ оба Евсевія, Θεогній, Марій, Мипофантъ, Θεодоръ, Наркиссъ, Патрофилъ и вѣрными ему остались только египтяне Секундъ и Θεона.

Въ критикѣ пункта *h* Гарнаккъ наиболѣе счастливъ. Швартцъ безспорно обнаруживаетъ только свою некомпетентность въ вопросахъ исторіи догматовъ, когда думаетъ, что императоръ, заставивъ соборъ принять формулу вѣры съ западными догматическими терминами, хотѣлъ показать, что онъ не желаетъ стать на сторону свв. Александра и Евстаѳія и не одобряетъ дѣйствія восточныхъ епископовъ, пытавшихся на соборѣ въ Антиохіи предвосхитить рѣшеніе

вселенскаго собора. „Шварцъ преувеличиваетъ здѣсь“ — совершенно справедливо замѣчаетъ Гарнаккъ — „правильный догматическо-историческій взглядъ до ошибочнаго“ ¹⁾. „Несомнѣнно есть разность между западной и восточной формулировкой православія, но утверждение, что александрійское Credo лишилось своего триумфа въ Никее ²⁾ — невѣрно“.

Гарнаккъ не хочетъ ссылаться на сообщеніе Филосторгія ³⁾, будто Александръ и Осій раньше никейскаго собора, встрѣтившись въ Никомидіи, согласились вмѣстѣ съ другими епископами исповѣдать Сына единосущнымъ Отцу.

Филосторгій, по мнѣнію Гарнакка, безспорно слишкомъ далеко идетъ въ другомъ направленіи ⁴⁾ [не допуская, повидимому, никакой разности между богословіемъ Александра и Осія, что и естественно для него, какъ писателя конца 4-го вѣка, когда утратилось всякое воспоминаніе о томъ, что до 325 года и самъ Александръ александрійскій еще не былъ „омоусіаниномъ“], хотя въ основѣ его сообщенія можетъ лежать и нѣчто фактическое ⁵⁾.

Но что и александрійцы и западные чувствовали себя на соборѣ какъ одно цѣлое (wie eine Einheit), и первые постоянно видѣли въ соборномъ рѣшеніи полную побѣду своего дѣла, это — на основаніи историческаго хода [событій] слѣдующихъ 10-лѣтій — неоспоримо. И нельзя сказать, чтобы вопросъ объ „Οὐσία“ былъ совершенно чуждъ Востоку. Въ энцикликѣ Александра обозначается, какъ ересь Арія, что онъ отри-

1) Hr. Schwartz übertreibt hier eine richtige dogmenhistorische Einsicht bis zum Fehlerhaften.

2) Das alexandrinische Credo sei zu Nicäa um seinen Triumph gekommen.

3) Philost. I, 7, ap. Photium, ed. Bidez SS. 8—9: *Ὅτι καὶ πρὸ τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου οὗτος τὸν Ἀλεξανδρείας φησὶν Ἀλέξανδρον καταλαβόντα τὴν Νικομήδειαν καὶ Ὁσίῳ τε τῷ Κωνδρούβητος ἐντροχόντα καὶ τοῖς σὺν αὐτῷ ἐπισκόποις, συνοδικαῖς ψήφοις ἀνομολογήσαι παρασκευάσαι ὁμοούσιον τῷ πατρὶ τὸν, υἱὸν καὶ τὸν Ἄρειον ἀποκηρύξασθαι.* Полнѣе это мѣсто исторіи Филосторгія сохранилось въ Vita Constantini Cod. Angelic. A. f. 15 v. *Τοῦ τοίνυν Ἀρείου καὶ τῶν ἄμφ' αὐτὸν κήλων διὰ τε Παλαιστίνης ἰστανῶν καὶ Φοινίκης, καὶ τῆς ἄλλης Συρίας καὶ Κιλικίας καὶ τῶν ἑφεξῆς ἐθνῶν — — — ὁ Ἀλέξανδρος ἄρας ἀπὸ τῆς Ἀλεξανδρείας ἔπλει τὴν ταχίστην ἐπὶ τὴν Προποντίδα καὶ τὴν Νικομήδουσαν ἔνθα παραγενόμενος καὶ τοῖς περὶ τὸν Ὁσίον Κωνδρούβητος εἰς λόγους καταστάς, πείθει τῆς αὐτοῦ συνεπίστασθαι γνώμης καὶ κρῖναι τὸ ὁμοούσιον, λόγοις δικαιοτάτοις αὐτοὺς πειγόμενος.*

4) Gewiss nach anderen Seite zu weit gegangen ist.

5) Mag auch seiner Nachricht etwas Thatsächliches zu Grunde liegen.

цаетъ, что Сынъ есть *ὁμοιος κατ' οὐσίαν τῷ πατρὶ*, и утверждаетъ: *ἀπεθροισμένος ἐστὶν ὁ Λόγος τῆς τοῦ Θεοῦ οὐσίας*¹⁾.

1) Въ Христ. Чт. 1911, июль-августъ, стр. 855 (=Автiох. соб. 25) у меня уже указано, что вопросъ о рожденiи Сына изъ существа Отца и Его единосущiи Отцу поставленъ былъ предъ 325-мъ годомъ и на Востоку, но не православными епископами, а Евсевiемъ никомидiйскимъ и самъмъ Ариемъ—разумѣется въ смыслѣ *reductio ad absurdum* ученiя о вѣчномъ рожденiи Сына. Евсевiй никомидiйскiй въ письмѣ къ Павлину у Theodoret. h. e. I, 6, 3: пишетъ—*ἐν μὲν ἀγέννητον, ἐν δὲ τὸ ἐπ' αὐτοῦ ἀλληθῶς καὶ οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ γεγονός, καθόλου τῆς φύσεως τῆς ἀγέννητον μὴ μετέρον ἢ ὄν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ἀλλὰ γεγονός ὁλοσχερῶς ἕτερον τῆ φύσει καὶ τῆ δυνάμει*. — — — 6. *εἰ δὲ τὸ γεννητὸν αὐτὸν λέγεσθαι ἐλόφασιν τινα παρέχει, ὡς ἂν ἐκ τῆς οὐσίας τῆς πατρικῆς αὐτὸν γεγονότα καὶ ἔχειν ἐκ τοῦτου τὴν ταυτότητα τῆς φύσεως, γιγνώσκουμεν ὡς οὐ περὶ αὐτοῦ μόνον τὸ γεννητὸν εἶναι φησὶν ἢ φησὶν, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῶν ὁμοίων αὐτῷ κατὰ πάντα τῆ φύσει* — — — 7. — — — *οὐδὲν γὰρ ἐστὶ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ (т. е. τοῦ Θεοῦ), πάντα δὲ βουλήματι αὐτοῦ γενόμενα ἕκαστον, ὡς καὶ ἐγένετο, ἐστίν*. Ариѳъ въ письмѣ къ Евсевiю у Thdr. I, 5, 1 приписываетъ св. Александру мнѣнiе: *ἐξ αὐτοῦ ἐστὶ τοῦ Θεοῦ οὐτός*, но не употребляетъ слова *οὐσία*. Но въ посланiи къ Александру *Πίστις ἡμῶν* у Ath. de syn. 16 и Epirh. haec. 69, 7, написанномъ отъ лица всѣхъ низложенныхъ александрiйскимъ соборомъ пресвитеровъ и диаконовъ, встрѣчается два раза въ смыслѣ *reductio ad absurdum* терминъ *ὁμοούσιος*: — *οὐδ' ὡς ὁ Μανχιῶς μέρος ὁμοούσιον τοῦ Πατρὸς τὸ γένημα εἰσηγήσατο* — — — *Εἰ δὲ τὸ „ἐξ αὐτοῦ“ καὶ τὸ „ἐκ γαστρὸς“ καὶ τὸ „ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐξῆλθον καὶ ἔκω“, ὡς μέρος αὐτοῦ ὁμοούσιον (ὁμοούσιον?), καὶ ὡς προβολὴ ἐπὶ τινῶν νοεῖται ἀνύφικτος ἐστιν ὁ Πατὴρ καὶ διαίρετος, καὶ τρεπτός, καὶ σῶμα κατ' αὐτοῦς, καὶ τὸ ὄσον ἐπ' αὐτοῦς, τὰ ἀκόλουθα σῶματι πίσχων, ὁ ἀσώματος Θεός*. —Но самъ Александръ александрiйскiй воздерживался отъ употребленiя терминовъ *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιος* и допускалъ только, что Сынъ „подобевъ Отцу во всемъ“. —Доказывая, что терминъ *οὐσία* былъ извѣстенъ и Востоку, Гарнакъ пмѣтетъ въ виду слова Швартца въ Mittheilung VI, S. 288 Швартцъ отмѣчаетъ здѣсь, что въ посланiи антiохiйскаго собора совершенно отсутсвуетъ не только *ὁμοούσιος*, но и *οὐσία* и говоритъ: *Damit dürfte erwägt erwiesen sein dass diese Begriffe aus dem Occident in das Nicänum gelangen sind, es sind Uebersetzungen von substantia und consubstantialis, nicht umgekehrt*. —Впослѣдствiи К. Холль письмомъ убѣдилъ Швартца, что повятiе единосущiя не западнаго происхожденiя. См. E. Schwarz, Kaiser Constantin und die Christliche Kirche. Leipzig. Berlin 1913. Vorwort SS. VI—VII Sp. SS. 138—140. —Въ существенномъ однако Швартцъ былъ болѣе правъ въ 1905 году, чѣмъ въ 1913-мъ. Конечно слово *ὁμοούσιος* греческое, а не латипское, и латинское *consubstantialis* (у Тертуллиана собственно только *unius substantiae*) есть переводъ этого греческаго слова, а не наоборотъ Но для обозначенiя взаимнаго отношенiя лицъ Св. Троицы этотъ терминъ былъ принятъ впервые на западѣ; на востокѣ же церковные богословы, начиная съ Оригена, относились къ этому термину подозрительно. Даже споръ двухъ Дiонисiевъ не привелъ къ привятiю

„Хотя только Осій, какъ я всегда училъ, снова привелъ къ признанію на востокъ прямое „*Ὁμοούσιος*“—впрочемъ его нѣкогда уже призналъ великій Діонисій александрійскій и оно принадлежитъ также къ великой сокровищницѣ оригеновскихъ формулъ—однако нѣтъ ни малѣйшаго основанія къ предположенію, что Александръ не такъ добровольно и охотно принялъ его, какъ позднѣе Аѳанасій — и именно въ западномъ смыслѣ—защищалъ ¹⁾ его“.

По моему мнѣнію, св. Александръ александрійскій едва ли принялъ термины *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιον* такъ добровольно, какъ это думаетъ Гарнаккъ. Александръ, по моему, былъ оригенистомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это допускаетъ Гарнаккъ ²⁾, и потому для него едва ли были особенно симпатичны эти термины, которые отвергалъ Оригенъ. И если бы вселенскій соборъ состоялся (въ Анкирѣ) безъ участія западныхъ епископовъ, то можно утверждать съ несомнѣнностію, что эти термины не были бы внесены въ соборное вѣроопредѣленіе, хотя арианское ученіе въ немъ осуждено

этого отверженнаго Оригеномъ термина въ Александріи. Въ своемъ „*Ελεγχος καὶ ἀπολογία*“ Діонисій александрійскій доказываетъ, что употребленныя имъ сравненія для обозначенія отношенія Сына къ Отцу не стоятъ въ противорѣчій съ понятіемъ *ὁμοούσιος*; но самъ, говоря о Сынѣ, не употребляетъ этого слова. Павелъ самосатскій употреблялъ слово: единосущный для обозначенія отношенія *неипостаснаго* Слова къ Богу Отцу. Но антіохійскій соборъ, приложившій Павла, отвергъ этотъ терминъ. Нисколько не удивительно поэтому, что его не употребляетъ и Александръ александрійскій.

¹⁾ Hat erst Hosius, wie ich stets gelehrt habe, das runde «*Ὁμοούσιος*» im Orient wieder zur Anerkennung gebracht—übrigens hatte es einst schon der grosse Dionysius von Alexandria anerkannt und es gehört auch in den grossen Schatz origenistischer Formeln—so liegt doch nicht die geringste Grund zu der Annahme vor, Alexander habe es nicht ebenso willig und gern akzeptiert, wie es Athanasius später—und zwar in Sinne des Abendlandes—verteidigt hat.—О Діонисіи александрійскомъ см. предшествующее примѣчаніе. Что же касается Оригена, то, какъ показалъ В. В. Болотовъ (Ученіе Оригена, стр. 212—214, 268—277), онъ относился полемически къ обоимъ викайскимъ терминамъ: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιον*; а ученіе о единосущіи приписывается ему на основаніи интерполированной апологіи Намфіла.

²⁾ Подробную аргументацію этого положенія см. въ моей статьѣ „Св. Александръ александрійскій и Оригенъ“ въ Трудахъ Императорской Кіевской Духовной Академіи, 1915-й годъ, октябрь—ноябрь, стр. 244—273 и декабрь, стр. 388—414.

было бы не менѣе ясно, чѣмъ въ вѣроизложеніяхъ въ посланіи Александра александрійскаго *Ἡ γύαρος* и новооткрытомъ посланіи антиохійскаго собора.

Но св. Александръ могъ согласиться принять эти термины и до никейскаго собора потому, что этого желалъ Осій кордубскій, которому Александръ обязанъ былъ тѣмъ, что онъ представилъ императору Константину въ истинномъ свѣтѣ предметъ спора между нимъ и Аріемъ. За эти же термины могли высказаться (если успѣли написать на востокъ до собора) и другіе видные западные епископы, какъ Сильвестръ римскій и—можетъ быть—даже и „единодушный“ съ Александромъ Александръ ѳессалоникскій. Но могло быть дѣло даже и такъ, что у св. Александра (вопреки сообщенію Филосторгія) и съ Осіемъ не было разговора о словѣ *διουούσιος*, и терминъ этотъ предложенъ былъ Осіемъ прямо чрезъ императора, который тутъ же на соборѣ доказывалъ, что этотъ терминъ не имѣетъ того матеріалистическаго смысла, какой приписываютъ его восточные лукіанисты и оригенисты. И св. Александръ и его единомышленники вынуждены были принять этотъ терминъ уже потому, что безъ него символъ Евсевія кесарійскаго, предложенный императоромъ въ качествѣ проекта вѣроопредѣленія, былъ настолько недостаточенъ для опроверженія ученія Арія, что подъ нимъ могъ бы подписаться и самъ Арій. Выступить съ своимъ проектомъ вѣроопредѣленія св. Александру могла помѣшать та *σοβαροῦς*, о которой говоритъ св. Евстаѳій антиохійскій.—Но и въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній соглашаться съ Швартцемъ, что императоръ предложилъ внести въ символъ терминъ *διουούσιος*, не желая дать торжества бывшимъ участникамъ антиохійскаго собора. Главная ошибка Швартца заключается, по моему, въ томъ, что онъ представляетъ императора Константина какимъ-то выдающимся богословомъ, который отлично понималъ всѣ тонкости тогдашнихъ догматическихъ споровъ и руководилъ ходомъ ихъ по своему желанію. Факты рѣшительно не оправдываютъ такого взгляда на Константина. Его письмо къ Александру и Арію доказываетъ ясно, что онъ въ предметъ ихъ спора не понималъ ничего: ему казалось, что они спорятъ изъ-за какихъ то мелочей.—На никейскомъ соборѣ Константинъ в. стоялъ видимо подъ вліяніемъ не только Осія кордубскаго, но и Маркелла анкирскаго. Разъ-

ясняя никейскій анаеѳематизмъ на аріанское положеніе: „*πρὸ γεννηθῆναι οὐκ ἦν*, Константинъ доказывалъ, что Сынъ Божій и по своему божественному рожденію существовалъ прежде всѣхъ вѣковъ, *ἐπεὶ καὶ πρὶν ἐνεργεῖν γεννηθῆναι οὐκ ἔστιν ἦν ἐν τῷ πατρὶ ἀγεννητῶς*¹⁾.

Въ написанномъ вскорѣ послѣ никейскаго собора письмѣ къ никомидійцамъ Константинъ ведетъ своеобразную полемику съ аріанствомъ²⁾; а вскорѣ послѣ того возвращаетъ Арія изъ ссылки, не требуя отъ него подписи подъ никейскимъ символомъ и ограничиваясь неопредѣленной, представленной Аріемъ, формулой вѣры!

Да было бы даже и странно, если бы Константинъ, только что обратившійся въ христіанство и еще некрещенный, сразу постигъ всѣ тонкости тогдашнихъ богословскихъ споровъ и сумѣлъ отличить восточное православіе отъ западнаго. Его колебанія въ покровительствѣ то одной, то другой церковной партіи при неясности его богословскихъ воззрѣній доказываютъ ясно, что самъ онъ находился подъ вліяніемъ то одного, то другого епископа и соотвѣтственно съ этимъ и велъ свою религіозную политику. Письмо къ Александру и Арію онъ написалъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Евсевія никомидійскаго, или, можетъ быть, тогда смыслъ спора не былъ ясенъ и самому Осію. Въ 325 году онъ безспорно былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Осія и, конечно, по его желанію провелъ на соборѣ западные термины: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοού-*

1) Euseb. epist. ad. Caesar. ap. Athan. de decr. nic. sin. n. 10—Theodoret., h. e. I, 12, 17.—Гарнаккъ DG. II⁴, 235, 2 вѣлѣтъ за G. Loeschke, Das Syntagma des Gelasius Cyzicenus. Bonn, 1906. S. 34 [—Reinisches Museum, LXI, 43] приписываетъ даже Константину такую вѣлѣность, что будто бы онъ въ письмѣ къ никомидійцамъ, сохранившемся у Геласія кизикскаго, объясняетъ единосушіе въ томъ смыслѣ, что „Богъ Господь и Христосъ Спаситель настолько составляютъ едино (sind so sehr eins), что не только о первомъ, но и о послѣднемъ говорится, что онъ есть Отецъ и Сынъ“. Но приводимый Лѣшккѣ греческій подлинникъ не оправдываетъ такого удивительнаго вывода о богословскихъ познаніяхъ Константина. Слова: *τὸν δεσποτὴν θεὸν δηλαδὴ καὶ σωτῆρα Χριστὸν ἀκριβῶς ἕπαντες ἴσμε, ἐσαπλητοὶ ἀδελφοί. κατέρα τε καὶ τὸν εἶναι*, очевидно, значатъ только, что Владыка Богъ и Спаситель Христосъ суть Отецъ и Сынъ, т. е. Владыка Богъ есть Отецъ, и Спаситель Христосъ—Сынъ, а не то, что каждаго изъ нихъ въ отдѣльности можно назвать Отцомъ и Сыномъ.

2) См. Loeschke, SS. 33—35 (RM, LXI. 42—44).

σιν. Но вскорѣ послѣ того мѣсто Осія занялъ при немъ Евсевій кесарійскій, видимо поразившій его своею ученостію, и Константинъ в., не отказываясь формально отъ никейскаго символа, возвращаетъ изъ ссылки и самого Арія и его покровителей Евсевія никомидійскаго и Θεогнія и поддерживаетъ ихъ въ борьбѣ съ выдающимися защитниками этого самаго символа ¹⁾).

Константинъ в., слѣдовательно, не преслѣдовалъ никакой коварной цѣли, предлагая никейскому собору внести въ символъ терминъ *ὁμοούσιος*, Онъ дѣлалъ это просто потому, что этого желалъ его ближайшій совѣтникъ Осій кордубскій и можетъ быть, и другіе западные епископы. Но самъ же антиохійскій соборъ 324 года постарался заинтересовать вопросомъ объ ученіи Арія и виднѣйшихъ западныхъ епископовъ.

Поэтому я совершенно согласенъ съ Гарнаккомъ, что предположеніе Шварца, что слово *ὁμοούσιος* проведено было императоромъ, чтобы избѣжать фатальности согласиться съ антиохійскимъ соборомъ, недоказуемо ²⁾, и что на дѣлѣ онъ не только одобрилъ опредѣленіе этого собора — если оно имѣло мѣсто [по моему, конечно, имѣло]—но и усилилъ (*verschärft*).

Но вся эта—въ существенномъ вѣрная—аргументація Гарнакка къ вопросу о подлинности антиохійскаго посланія не имѣетъ отношенія. Вопросъ здѣсь идетъ собственно о томъ, почему на никейскомъ соборѣ принято было вѣроизложеніе съ западными терминами: *ἐκ τῆς οὐσίας* и *ὁμοούσιος*, а не исповѣданіе въ духѣ Александра александрійскаго. Но спорный документъ въ существѣ дѣла не даетъ ничего новаго по этому вопросу и не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ ранѣе извѣстными документами.—Посланіе св. Александра александрійскаго доказываетъ ясно, что не онъ виновникъ того, что никейскій соборъ принялъ эти термины. Не было никакихъ основаній предполагать и то, что эти термины

¹⁾ Остроумную попытку объяснить, на основаніи исторіи Зосима, утрату Осіемъ вліянія на императора Константина см. у А. А. Спасскаго, Исторія догматическихъ движеній. I, 257.

²⁾ S. 408. Dass das Stichwort (*ὁμοούσιος*) vom Kaiser durchgesetzt worden sei, um die Fatalität zu vermeiden, der Synode von Antiochia Recht geben zu müssen, ist also unerweislich.

предложены были кѣмъ-либо изъ восточныхъ епископовъ, хотя бы, напр., св. Евстаѣемъ антїохійскимъ.

И если Шварццу — при его взглядѣ на Константина — показалось, что Константинъ остался недоволенъ антїохійскимъ соборомъ 324 года и на никейскомъ соборѣ свой протестъ противъ антїохійскаго собора онъ выразилъ тѣмъ, что заставилъ соборъ принять западное ученіе о единосущіи, а не исповѣданіе вѣры св. Александра или антїохійскаго собора, то вѣдь открытый имъ документъ самъ по себѣ не даетъ ни малѣйшихъ основаній судить объ отношеніи къ антїохійскому собору императора.

Какъ показано выше, самое перенесеніе великаго собора въ Никею, было не протестомъ императора противъ антїохійскаго собора, а скорѣе слѣдствіемъ этого собора: отцы антїохійскаго собора были вѣроятно крайне довольны тѣмъ, что въ соборномъ обсужденіи вопроса объ Аріи примутъ участие и западные епископы, къ которымъ сами же они обращались съ посланіями. И если на соборѣ ихъ исповѣданіе вѣры не только не было принято и подписано всѣми безъ измѣненій, но и не было положено въ основу новаго вѣроопредѣленія, то все же главная цѣль ихъ была достигнута: ученіе Аріа было анаематствовано по пунктамъ, и этотъ анаематизмъ былъ подписанъ всѣми вмѣстѣ съ символомъ.

Въ концѣ этого отдѣла (s. 409) Гарнаккъ говоритъ: „Принимая (durch die Annahme), что антїохійское соборное посланіе подлинно, какъ показано, картина предъисторіи (Vorgeschichte) и исторіи никейской становится очень запутанной. Несогласія, невѣроятности и противорѣчія прямо умножаются (häufen sich geradezu). Тогда какъ раннѣйшая картина правда очень скудна, но проста и согласна (eindeutig)“; и, изложивъ кратко исторію событій 324—5 гг. по старымъ источникамъ, говоритъ въ заключеніе: „Нѣтъ сомнѣнія,—это очень простое развитіе вещей (Entwicklung der Dinge) оказывается чрезъ антїохійское посланіе (das Antiochenum) чрезвычайно обогащеннымъ, но и на каждомъ пунктѣ крайне обремененномъ (auf schwerste belastet) невѣроятностями и противорѣчїями“.

Но приведенный разборъ аргументаціи Гарнакка, надѣюсь, показываетъ ясно, что всѣ эти Unstimmheiten, Unwahrscheinlichkeiten и Widersprüche отчасти нужно отнести на счетъ Шварцца, отчасти же существуютъ только въ воображеніи

самого Гарнакка, и посланіе антиохійскаго собора 324 года не только не стоитъ ни въ какомъ противорѣчїи съ ранѣе извѣстными документами, но и вноситъ новый свѣтъ въ исторію событій 324—325 гг., даетъ ясный отвѣтъ на такіе, напр., вопросы: а) почему никейскій соборъ, несмотря на старанія обоихъ Евсевіевъ съ ихъ сподвижниками, закончился такимъ полнымъ торжествомъ св. Александра александрійскаго и западныхъ? б) почему западные епископы присутствовали на никейскомъ соборѣ въ такомъ ограниченномъ количествѣ? в) почему Аѳанасій в. въ число выдающихся защитниковъ православія заноситъ между прочимъ и Лула (тарскаго) изъ Киликіи, котораго къ 19 іюня 325 года уже не было въ живыхъ? г) почему именно Евсевій кесарійскій выступилъ на соборѣ съ исповѣданіемъ вѣры?

Въ существенномъ правильную оцѣнку значенія новаго документа для исторіи событій 324—325 гг. далъ уже *P. Zeeberg*¹⁾. По его мнѣнію, если признать посланіе подлиннымъ— а за подлинность его говорить, что непонятна дѣль подлога—, то объясняются два обстоятельства: 1) что и въ Никеѣ Евсевій кесарійскій нашелъ нужнымъ выступить съ своимъ по возможности въ православномъ духѣ составленнымъ исповѣданіемъ, 2) что настроеніе въ Никеѣ было съ самаго начала антиаріанское. Нужно, значитъ, принять, что окружныя посланія Александра произвели большее дѣйствіе, чѣмъ извѣстно было объ этомъ прежде. Хотя въ отдѣльности многое въ отношеніи къ собору остается неяснымъ, и конструкція событій у Швартца, какъ показываетъ Гарнаккъ, немислима, однако соборъ можетъ быть внесенъ въ извѣстную намъ исторію.

Вотъ впечатлѣніе, какое вынесъ отъ полемики между Швартцемъ и Гарнаккомъ человѣкъ посторонній, специалистъ въ исторіи догматовъ, но даннаго вопроса спеціально очевидно не изучавшій.

Свящ. Д. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *R. Seeberg*, *DG.* № 35, *Ann. Cr. Viz. Vrem.* XIX, Отд. II, стр. 55, гдѣ приведены подлинныя слова Зесберга.